

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Донатто КАРРИЗИ

Впервые на русском!

МАЭСТРО ТЕНЕЙ

Эзотерический детектив
с массой неожиданных
поворотов...

*Кристина Лешман
Librarian To Carne des Morte*

Донатто Карризи Маэстро теней

Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Маркус и Сандра», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38985209

*Маэстро теней: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-15816-0*

Аннотация

В новом романе Донатто Карризи «Маэстро теней» вновь действуют Сандра Вега, фотограф-криминалист, и Маркус, священник, расследующий преступления, о которых знают лишь те, кто принимает исповедь. Пять столетий назад папа Лев X издал таинственную буллу, согласно которой Вечный город «никогда, никогда, никогда» не должен погружаться во тьму. Но в наши дни буря вывела из строя одну из римских электростанций, и чтобы полностью восстановилось электроснабжение, столице предстоит на двадцать четыре часа погрузиться в темноту. В подступающих сумерках оживает затаившееся зло. Никто не застрахован, даже те, кто запер двери на два оборота. По городу тянется цепочка убийств, но кто таинственный палач, кто нажимает на скрытые пружины. Маркусу и Сандре предстоит обнаружить источник зла, пока не стало слишком поздно...

Содержание

Рассвет	6
1	6
2	15
3	32
4	38
5	50
6	68
7	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Донатто Карриззи

Маэстро теней

Антонио, моему сыну.

Он – моя суть и мое величие

Donato Carrisi

IL MAESTRO DELLE OMBRE

Copyright © Longanesi & C., 2016 – Milano

© А. Ю. Миролюбова, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

® Издательство АЗБУКА

* * *

1521 год после Рождества Христова. За девять дней до кончины папа Лев Десятый выпускает буллу, содержащую в себе торжественное обязательство.

Рим не должен «никогда, никогда, никогда» погружаться во тьму.

Понтифик распорядился, чтобы улицы, церкви и дворцы освещались по ночам. В лампах не должно иссякнуть масло, а на складах нужно во что бы то ни стало держать запас све-

чей.

Более трех столетий папский приказ неукоснительно выполнялся. А в конце девятнадцатого века, с появлением электричества, указания, содержащиеся в булле, оказались излишними.

Историки и богословы долго задавались вопросом, что именно подвигло Льва Десятого на такой шаг, что заставило установить такие правила. На протяжении веков расцветали пышным цветом самые разные, порой фантастические теории. Но никто так и не привел подлинного объяснения.

Тем не менее папская булла по-прежнему в силе, и по сей день власть тьмы над Римом остается неразгаданной тайной.

Рассвет

1

Отключение электроэнергии было запланировано на семь сорок одну утра. С этой минуты Рим должен был погрузиться в новое Средневековье.

Вот уже почти трое суток над Римом бушевала буря невиданной силы. Город хлестали беспрерывные ливни, при порывах ветра до тридцати узлов.¹

Удар молнии вывел из строя одну из четырех электростанций, снабжавших город энергией. Началась цепная реакция, в силу которой остальные три подверглись опасному перенапряжению.

Чтобы устранить повреждения, было необходимо прекратить подачу тока на двадцать четыре часа.

Населению объявили о блэкауте накануне вечером, буквально в нескольких словах. Городские власти заверили, что технические службы приложат все усилия, чтобы устранить неполадки в обещанный срок. Но по причине отсутствия электричества будет прервана всякая связь. Ни телефонных линий, ни Интернета, ни сотовых. Ни радио, ни телевидения.

---

¹ Один узел равен 1,852 км/ч, или 0,514 м/с.

Полное обнуление технических средств. И прямо посреди природного катаклизма.

В семь тридцать, за несколько минут до отключения тока, Матильда Фрай у себя на кухне в первый раз за утро выпила кофе и сполоснула чашку. Поставила ее на полку и снова взяла с мраморного бортика раковины зажженную сигарету. Там, где она лежала, остался желтоватый след, и женщина долго вглядывалась в него.

Самые обыденные вещи неожиданно приносили покой.

Матильда укрывалась в них, чтобы отрешиться от собственных мыслей. Глаз не сводила с загнутой страницы журнала, распоровшегося шва, капли, сползающей по запотевшей стене. Но покой рано или поздно покидал ее, и стоило осушить каплю взглядом, как демон возвращался, напоминая, что тот тесный ад, в который женщину ввергли, никогда не отпустит ее.

Я не могу умереть. Не сейчас, говорила она себе. Но очень хотела этого.

Лицо Матильды вновь окаменело. Она поднесла сигарету к губам, сделала глубокую затяжку. Потом запрокинула голову и, глядя в потолок, выпустила облачко белого дыма, а вместе с ним всю горечь обиды. Когда-то она была красавицей. Но, как говорила ее мать, запустила себя и к тридцати шести годам непоправимо осталась одна. Никто не смог бы представить ее молодой девушкой. Люди видели – если вообще смотрели на нее – старуху, не успевшую состариться.

Настенные часы показывали семь тридцать две.

Матильда выдвинула стул из-под стола и уселась, придвинув к себе пульт дистанционного управления от телевизора, пачку «Кэмел» и жестяную пепельницу. Не успев погасить окурочек, прикурила от него следующую сигарету.

И все время смотрела прямо перед собой.

– Надо бы... – Она осеклась. – Надо бы сводить тебя в парикмахерскую, подстричься, – наконец проговорила Матильда на одном дыхании, очень серьезным тоном. – Да, ты совсем зарос, особенно на висках. – Она протянула руку и показала где. – И челка эта мне больше не нравится. – Матильда убежденно кивнула: да, именно так и следует поступить. – Вот заберу тебя завтра из детского сада, и пойдем. – Она умолкла, но не отвела взгляда.

Матильда смотрела на дверь кухни.

За порогом никого не было, но на стене, у самого косяка, виднелись знаки, штук двадцать. Они следовали снизу вверх. Черточки разных цветов, возле каждой – дата.

Самая верхняя была зеленого цвета, рядом с ней значилось: «103 см – 22 мая».

Матильда внезапно очнулась, словно стряхнув с себя наваждение. Вернувшись к реальности, схватила пульт дистанционного управления и направила его на буфет, где стоял телевизор.

На экране появилось поясное изображение приятной блондинки в светло-розовом костюме строгого покроя. Ни-

же – бегущая строка: «Чрезвычайное положение в Риме объявляется с семи часов сорока одной минуты 23 февраля до окончания запланированного отключения электроэнергии». Ведущая ровным, умиротворяющим тоном зачитывала сообщение перед телекамерой. «Во избежание аварий по распоряжению городских властей полностью прекращается движение транспорта. Невозможно будет ни ездить по городу, ни выехать из него. Напоминаем, что аэропорты и вокзалы не работают со вчерашнего дня вследствие неблагоприятных погодных условий. Ввиду чего горожанам рекомендуется оставаться дома. Повторяю: ради вашей собственной безопасности и безопасности ваших близких не пытайтесь покинуть город».

Матильда подумала, что у нее и так никого нет, да и ехать некуда.

«В течение дня выходите из дому только в случае крайней необходимости. Если возникнет опасность для жизни, можете вывесить на окно белую простыню, и спасательные бригады, которые будут постоянно курсировать по улицам, придут вам на помощь. Напоминаем, что ночью необходимо соблюдать комендантский час, который начнется за час до заката. С этого момента будет приостановлено действие некоторых гражданских свобод».

Ровный тон и располагающие манеры ведущей, по идее, должны успокаивать, утешать, подумала Матильда, но эффект получался противоположный. Было во всем этом что-

то гротескное, пугающее. Вроде улыбки на лице стюардессы, в то время как самолет падает.

«Подразделения полиции будут рассредоточены в каждом квартале, они получают широкие полномочия для обеспечения общественного порядка и предотвращения преступлений: агентам будет дано право производить арест на основании простого подозрения. Совершившие преступления в темное время суток будут судимы на месте и по всей строгости. Тем не менее городские власти призывают вас как следует запереться и принять необходимые меры, чтобы не допустить незнакомцев и злоумышленников в ваши жилища».

При этих словах Матильда внезапно похолодела, съежилась.

Блондинка-ведущая положила листки на стол, перед которым сидела, и поглядела прямо в камеру.

«Мы уверены, что вы станете вести себя сообразно обстоятельствам. Прощаемся с вами до следующего выпуска новостей, который выйдет в эфир по окончании чрезвычайного положения, через двадцать четыре часа начиная с этой минуты. Через несколько секунд звук сирены предупредит о прекращении подачи электроэнергии и отключении всех видов связи. Сразу после этого вступят в силу чрезвычайные меры и официально начнется запланированный блэкаут». Ведущая больше ничего не добавила, только еще раз улыбнулась в объектив. Потом ее лицо исчезло с экрана, и показалась надпись: «Конец передачи».

В этот самый миг снаружи раздался мощный голос сирен. Матильда перевела взгляд на окно. Снаружи начинался день, хотя от мрачных туч, покрывавших небо, и царил полумрак. На кухне горела потолочная лампа, но свет ее не внушал уверенности: женщина устала на плафон, ожидая, что тот с минуты на минуту погаснет. Но свет все еще не гас. Дождь лил без остановки, и секунды растягивались, превращаясь в нестерпимую вечность. Матильда снова взглянула на настенные часы. Семь тридцать восемь. Нет, ожидание невыносимо. Нужно заглушить проклятые сирены, пронзающие мозг. Женщина раздавила в пепельнице вторую сигарету, встала из-за стола и подошла к старому миксеру, которым не пользовалась уже много лет, но который каким-то необъяснимым образом был подключен к розетке. Нажала кнопку. Включила тостер: нажала на обе пружинки, выставила время. Занялась плитой. Потом – стиральной машиной, затем посудомоечной. Без какой-либо видимой причины распахнула дверцу холодильника. Включила радиоприемник, стоявший рядом с раковиной, настроенный на волну классической музыки. Бах предпринял отчаянную попытку пробиться сквозь какофонию звуков, но потерпел поражение. Наконец, заведя все электроприборы, включив все лампы, Матильда Фрай уселась выкурить очередную сигарету. Снова взглянула на настенные часы, ожидая, когда закончится обратный отсчет времени и воцарятся тьма и безмолвие.

Пока секундная стрелка с натугой двигалась, зазвонил те-

лефон.

Матильда в ужасе воззрилась на аппарат. Единственный звук, произведенный не ею. Годами она ни с кем не зналась и никто ею не интересовался. Если хорошенько подумать, этому аппарату даже и не место в доме, семейном гнезде, где она обречена на одиночество. В заточении образовалась брешь. Телефон не звонил, а вопил на разные голоса, как будто выкрикивая ее имя. У Матильды был выбор: дожидаться, когда близкий блэкаут положит конец пытке, или, подойдя к телефону, самой прекратить мучения.

Мне уже много лет никто не звонил. Никто не знает мой номер.

Оторваться от стула ее заставило не простое любопытство. Предчувствие. Сняв трубку с допотопного дискового аппарата, Матильда не сразу смогла поднести ее к уху – так дрожала рука. Женщина хотела что-то произнести, но в трубке слышались короткие электрические разряды, помехи. Потом сквозь пронзительный, раздражающий шум пробился голос.

Детский голос, умоляющий, полный страха.

– Мама! – услышала Матильда, похолодев. – Мама! Мамочка! Приходи, забери меня отсюда, мама!

Она заставила его выучить наизусть этот номер перед тем, как в первый раз отвести в детский садик. Подумала, что его легче запомнить, чем номер сотового. Ей вдруг вспомнилась эта сцена: он сидит за столом на этой же самой кухне, только

что съев завтрак: молоко, печенье, виноградный мармелад. Матильда стоит перед ним на коленях, завязывает шнурки. А сын тем временем повторяет цифру за цифрой, и она делает то же, но беззвучно, одними губами, чтобы не слишком облегчить ему задачу. Хотела быть уверена, что он все правильно запомнит.

Образ из прошлого исчез так же внезапно, как появился. Матильда Фрай вновь оказалась выброшенной в настоящее. Охваченная смятением, она смогла все-таки произнести:

– Тоби... – Свободной рукой женщина заткнула ухо: шум электроприборов, которые она сама включила, мешал разобрать слова.

– Не оставляй меня здесь! Не бросай меня одного! – Снова разряды, помехи на линии. – Я здесь, – звучал детский голосок. – Я...

Сначала все стихло. Все лампы на кухне погасли одновременно. Лезвие тьмы обрушилось на предметы, неподвижно застывшие.

Только тогда Матильда поняла, что и телефонная трубка онемела.

Молчание было каким-то неестественным, будто в ней никогда и не раздавалось ни звука и все, что Матильда только что слышала, явилось плодом ее воображения... или безумия.

Теперь Матильда дрожала всем телом и не могла с этим совладать. Потом снова подняла взгляд на настенные часы.

Ровно семь сорок одна.

В семь часов сорок одну минуту сирены умолкли.

Но точное время начала запланированного блэкаута люди запомнили не потому, что внезапно замерли в летаргическом сне все электроприборы и десятилетия технического прогресса в единый миг оказались сметены, и не потому, что внезапно оборвалась связь и наступила вызывающая клаустрофобию изоляция, – нет, явившись из глуби веков, словно призрак прошлого, на город опустилась нереальная, доселе неведомая тишина. Под монотонный шум дождя этот покой, к которому жители Рима не привыкли, казался еще более зловещим.

Но именно внезапно наступившая тишина вернула его к жизни.

Он вынырнул из удушливых глубин сна, отчаянно ловя воздух ртом. Но только с третьей попытки в легкие попало немного кислорода. Он не просто спал, он лишился чувств, задыхаясь в собственном теле. И открыл глаза навстречу очередному мраку.

Я ослеп.

Дышать, наверное, было трудно из-за позы, в которой он лежал: лицом вниз, руки заведены за спину, что-то холодное стискивает запястья. *Наручники?* Мужчина зашевелился, пытаясь встать на колени, чтобы наконец избавиться от

мучительного удушья. Все тело ныло, суставы сгибались с трудом. Подниматься было нелегко.

Я голый. У меня болит в груди.

В мозг начал поступать кислород, яркие точки заплясали перед глазами. Нет, он не потерял зрение: это мир вокруг него поглотило небытие.

Где я? Кто я такой?

Он совсем растерялся. Не только снаружи, но и внутри его царила полная тьма.

Кто я такой, где я?

Кроме отдаленного шума дождя, единственный ориентир давало обоняние. Здесь воняло. Стоячей водой, чем-то еще. Смертью.

Он озяб, закашлялся. Раскатистые звуки поразили его. Он снова покашлял, прислушался, пытаясь прикинуть, как скоро отзовется эхо. В отчаянии желая понять, насколько велико помещение, где он очутился, использовал собственный голос в качестве радара. Раз за разом повторял опыт, стоя на коленях и поворачиваясь всем телом. Но этого было недостаточно. Тогда он напряг поясницу и попытался встать. В первый раз повалился на бок. Попробовал еще раз, помедленнее: получилось.

Ноги вязли в липкой, холодной жиже, но под ней ощущался камень, наверняка обработанный. То, что он не в земле, не в могиле, несколько приободрило его. Ведь из могилы выйти нельзя. Из здания – можно. В здании всегда есть вход и,

соответственно, выход.

Вознамерившись любой ценой отыскать его, мужчина двинулся вперед в кромешном мраке. Пол был неровный, но ему удавалось сохранять равновесие. Надеясь, что на пути не встретится никаких препятствий, он шагал без особых предосторожностей, рассчитывая рано или поздно наткнуться на стену. Вытянуть руки перед собой он не мог, значит оставалось смириться с тем, что он врежется в стену на полном ходу.

Удар был несильным, но он снова почувствовал стеснение в груди. Глубоко вдохнул, подождал, пока неприятное ощущение пройдет.

Потом прижался левой щекой к стене. Сразу распознал гладкую поверхность. Туф. Решил двигаться по периметру, пока не обнаружится дверь или другое отверстие. Сделал первый шаг, но споткнулся об острый камень и сильно ушиб палец на ноге. В ярости даже забыв о боли, хотел было пнуть его, но удержался: нужно просто ступать аккуратнее. По мере того как он тащился вдоль стены, образ помещения, где ему довелось очнуться, вырисовывался все отчетливее. По дороге ему не встретилось ни единого угла.

Круглый зал.

Материал постройки – огромные, положенные одна на другую плиты – наводил на мысль о чем-то очень древнем. Прежде всего он и представить не мог, что зал настолько просторный. Но чем дальше он шел, тем острее сознавал,

что первое впечатление оказалось обманчивым. Казалось, эта стена никогда не кончится. *Где же дверь? Проклятье!* Холод камня проникал под кожу, сковывал тело. Его трясло, он чувствовал, как дыхание ледяными каплями оседает на лице. Если в ближайшее время он не выйдет отсюда, то замерзнет насмерть. Но стало не до этих мыслей, когда он вытянул ногу, чтобы сделать очередной шаг. Опустил стопу и застыл на месте: носком ноги он коснулся чего-то знакомого.

Острый камень, о который споткнулся раньше.

Вначале мелькнула догадка. Он все бы отдал, чтобы она не подтвердилась, чтобы не пришлось принимать в расчет то, что лишало его всякой надежды. Но почти тотчас же догадка приобрела ужасающие очертания ледящей душу уверенности.

Он совершил полный круг. Из помещения не было выхода.

Гробница, подумал он. *Моя гробница*. В этом не было логики, ведь как-то он попал сюда – вот неопровержимое доказательство того, что вход все-таки существует. Но обнадеживающее умозаключение вскоре оказалось опровергнуто другим, не менее весомым.

Кто-то замуровал его здесь. Замуровал заживо.

Он прислонился к стене, сполз на пол, скорчился. Смертная тоска охватила его, прихлынула жаркой волной. Паника – настоящий яд для рассудка. Он попытался справиться с ней, взять себя в руки. Но тоскливая тревога ширилась. *Кто*

я такой, где я? Кто я такой, где я? Кто я такой, где я?..
Что-то теплое скользнуло из носа к верхней губе. Капля попала в уголок рта, и он попробовал вязкую жидкость на вкус. Кровь. Его кровь.

Носовое кровотечение.

Он никогда не знал, от чего оно зависит, не мог заранее предвидеть его: это могло с ним случиться в любой момент. Одно он знал точно: это расстройство составляло неотъемлемую его часть, такую же, как черты внешности или характера. Недостаток, с которым он сжился, к которому привык. Он никогда не понимал, почему Господу было угодно навязать ему этот небольшой, но досадный изъян. Теперь, через много лет, наконец понял. Господь совершил это затем, чтобы в день скорби он смог изо всех сил уцепиться за это свое качество и с его помощью вывести память из тьмы.

Меня зовут Маркус, сказал он себе. И я страдаю носовыми кровотечениями.

Прочие воспоминания хлынули неудержимым потоком. Я – священник. Принадлежу к священному ордену пенитенциариев, который подчиняется Судилицу душ. Я – последний представитель этой конгрегации. Никто не знает обо мне, никому не известно, кто я такой. И он стал повторять слова, которым его когда-то научили: «Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Я – страж, призванный охранять эту границу. Ибо время от вре-

мении что-то прорывается... Я – охотник за тьмой. Моя задача – сдержать ее, отправить обратно».

Он почти успокоился. Ведь его самый страшный кошмар – куда страшнее, чем быть погребенным заживо, – это забыть, кто он такой... *снова забыть*.

Несколько лет назад он очнулся без памяти в Праге, на больничной койке, после того как в гостиничном номере ему выстрелили в висок. Амнезия – как плоский, неподвижный океан: ни ветра, ни течений. Невозможно плавать по этим водам, в них никогда ничего не случается. Остается дрейфовать на месте и вечно ждать помощи, которая никак не приходит.

Но однажды ночью к его изголовью склонился Клементе, наставник, и пообещал раскрыть правду о его прошлом в обмен на торжественное обещание, которое свяжет его на всю оставшуюся жизнь. Он согласился. Никто не мог бы вернуть ему старые воспоминания, но с этого момента появился способ создать себе новые. Так и получилось. Поэтому Маркус не хотел утратить и эти воспоминания тоже. Хотя по большей части они причиняли боль.

Клементе уже погиб. А у него, Маркуса, есть имя – самое драгоценное его достояние. Единственные знаки прошлого, того, что было до Праги, – шрам на левом виске... и, благодарение Богу, носовые кровотечения.

От спазма в груди снова пресеклось дыхание. Маркус, сражаясь с болью, инстинктивно наклонился. Он не знал, что с

ним такое, ничего подобного он не испытывал за всю свою жизнь – по крайней мере, за ту ее часть, какую мог вспомнить. Стало легче. Боль исчезла так же внезапно, как и появилась.

На этом нельзя останавливаться, подумал он. Недостаточно того, что он очнулся от сна, который мог бы нежно проводить его в объятия смерти. Смерть все еще была рядом. В самом деле, он не находил никакого способа избавиться от хватки наручников. Поэтому, прежде чем снова нахлынет страх, одолевая элементарный инстинкт выживания, он попытался во что бы то ни стало восстановить в памяти, что же с ним в действительности стряслось. Вопрос о том, где он находится, отложил на время: сначала следует прояснить кое-что другое.

Как он здесь очутился? Почему в наручниках? И самое главное: *кто* сделал это с ним?

В памяти образовалась черная неодолимая стена. Последнее, что он помнил: сеть, снабжающая Рим электричеством, повреждена и, возможно, возникнет необходимость временно прекратить подачу энергии в город. Но он не знал, сколько времени прошло с того момента. Вряд ли дни, тем более недели. Доказательство – то, что он до сих пор жив. Раньше, чем во внешнем мире, блэкаут совершился у него в голове. Хотя речь шла о кратковременной амнезии, не затронувшей основную память, Маркус все равно испугался.

Что ее вызвало? Может быть, удушье?

Нужно восстановить произошедшее. Точно так же он, втайне посещая сцены преступлений, пытался рядом с трупом человека, зарезанного, или разрубленного на куски, или сожженного, прочесть знаки зла. Ведь именно это он умел делать, это получалось у него лучше всего. Искать *аномалии*. Едва заметные прорехи в картине обыденности. Изъяны в сплетении вещей – вроде носового кровотечения. Часто за ними обнаруживался тайный умысел. Дверцы, ведущие в иное измерение, тайный проход к другой истине.

Но в данном случае перед ним не лежало безмолвное тело, которое можно было бы спросить взглядом.

На этот раз жертвой оказался он сам.

И он не владел всеми необходимыми для расследования чувствами. Мало того что последние события стерлись из памяти, наручники, стиснувшие запястья, сильно ограничивали возможности осязания. Но больше всего ему не хватало зрения. Призвав на помощь слух и обоняние, Маркус принялся исследовать темноту. Шум дождя, приглушенный, доносящийся как легкий непрерывный перестук, и резкий запах сырости говорили о том, что он находится под землей. В цистерне, может быть, в катакомбах. Но больше ничего выявить не удалось.

Его скрутил новый приступ боли в груди, почти отнявший дыхание: опять то же самое, будто ему вонзили под ребра добела раскаленный клинок. Откуда такая боль? словно он проглотил какую-то отраву и желудок пытается исторгнуть

ее.

В воображении возникла картина: злобное насекомое грызется в грудь изнутри, устраивая себе жилище.

Боль отпустила. Аномалии, напомнил он себе. Единственная надежда, какая ему осталась, иначе – гибель. С этого он и начал: его гибель, смерть. Кто-то заточил его здесь, снял одежду, сковал наручниками. И все-таки, если не считать неизвестно откуда взявшегося спазма, время от времени появлявшегося в районе пищевода, Маркус был абсолютно цел и невредим.

Меня хотят уморить голодом.

Маркус представил себе различные фазы процесса, который приведет его к верной смерти. Через несколько дней без еды, не получая питательных веществ, углеводов и жиров, чтобы поддерживать обмен, организм начнет сжигать мышечную массу. По сути, тело примется поглощать себя. Внутренние органы поднимут тихий мятеж, сопровождаемый несказанными муками, пока не сдадутся окончательно. Такая пытка может длиться неделями. Конечно, Маркус может глотать гниющую жижу и запивать водой, скопившейся на полу темницы. Это замедлит обезвоживание, но в конечном счете только продлит агонию. Может, это и к лучшему, что тюремщик снял с него одежду и сковал руки. Невозможность пользоваться руками и воздействие холода добавляют страданий, зато приближают кончину.

Почему он избрал для меня такую смерть?

Убийца хотел, чтобы Маркус обезумел, чтобы вгрызлся в собственную плоть, тщетно пытаясь облегчить муки голода. Маркус читал о спелеологах, заблудившихся в недрах земли, лишенных пищи: в них со временем пробуждался природный инстинкт каннибализма. Слабейших пожирали сильнейшие. Кто был не в силах одолеть других, ждал своей очереди стать пищей, но тем временем испытывал непреодолимое желание отгрызть куски от собственного тела. Желудок одолевал мозг – голод оказывался сильнее рассудка.

Чем я это заслужил?

«Заслужил»: вот ключевое слово.

Первая аномалия: убийца не хотел просто покончить с ним. Хотел его *покарать*. В Древнем Риме смерть от голода была очень распространенной казнью.

– Темница! – выкрикнул пенитенциарий в крошечный мрак. – Я в темнице!

Туф, из которого были сложены стены его тюрьмы, свидетельствовал о том, что ее построили тысячи лет назад. Но в Риме имеются десятки подобных мест.

Нет, сказал себе Маркус. Он притащил меня сюда с определенной целью. Он хотел, чтобы я очнулся, поэтому не убил сразу. Хотел, чтобы я умирал медленно, но главное, чтобы *осознал*.

Этот садист хочет, чтобы я выяснил, где нахожусь. А значит, понял, что никогда не выберусь отсюда живым.

Поэтому Маркус должен был определить, чем эта тюрьма

отличается от прочих. Он снова погрузил ступни во влажную жижу.

Вторая аномалия: вода.

Она холоднее дождевой. Не льется сверху, а просачивается снизу. Источник. *Tullius*, тут же припомнил он латинское слово. Родник, выходящий на поверхность в туфовых пещерах возле холмов Капитолия, там, где находилась Мамертинская, или, вот именно, Туллианская тюрьма. Должно быть, он и находится как раз в Туллиануме, подземной темнице, разделенной на два уровня. Верхний служил для допросов, пыток и казней. На нижнем узники, брошенные сюда сразу после ареста, дожидались своей очереди. Тем временем они могли слышать вопли товарищей по несчастью и трепетать перед тем, что вскорости выпадет на их долю.

Если это Туллианум, здесь должен быть вход.

Существовал единственный способ обнаружить его. Маркус прислонился спиной к стене и, опираясь на пятки, встал. Обретя равновесие, медленно двинулся туда, где, по его представлениям, находился центр зала. Поскольку помещение круглое, достаточно пересечь его по диаметру, хотя в темноте трудно придерживаться точного направления. Он не знал даже, сколько шагов отделяет его от нужного места. Но, шагнув раз десять, почувствовал что-то у себя над головой.

Слабый сквозняк.

Маркус остановился. Прямо над ним должно находиться круглое отверстие, ведущее в катакомбы. Но насколько оно

высоко? Даже если бы руки у него были свободны, он все равно бы до него не допрыгнул. Или допрыгнул бы?.. Может, именно поэтому убийца сковал его. Маркус послал ему проклятие. Но ярость не должна взять верх. Выбор места, наручники: тому и другому есть причина. Что еще нуждается в объяснении?

Третья аномалия: нагота.

Почему он оставил меня здесь без одежды?

Ответ: чтобы унижить. Он снял с меня одежду, потому что я священник, хотя и не ношу облачения. Но для него разницы нет. Худшее унижение для служителя Бога – быть обнаженным, осмеянным. Христос был распят нагим. Но, будучи служителем Церкви, он тотчас же узнал Мамертинскую тюрьму: легенда гласит, что именно здесь содержались апостолы Петр и Павел. Тюремщик предвидел, что Маркус вспомнит об этом.

Петру и Павлу удалось выбраться из этого места... Он предоставляет мне возможность спастись, подумал пенитенциарий с ожившей надеждой. Он подвергает меня испытанию.

Апостолы вышли на свободу, обратив тюремщиков и окрестив их водой из Туллиуса.

– Вода... Крещение, смывающее грехи... – перечислял Маркус, пытаясь отыскать какой-то смысл или просто связь. – Вода очищает душу. Душа, очистившись, воспарит на небеса и пребудет во славе Господней. – Так и он мог бы

подняться к отверстию над своей головой и обрести свободу. Все обретало сугубо символический смысл. Маркус чувствовал, что близок к решению загадки. — Душа внутри тела... Значит, и спасение внутри.

Произнеся последнюю фразу, он умолк и отрешился от всех посторонних мыслей, боясь, как бы не выскользнул краешек истины, за которую он едва-едва ухватился. В догадке был смысл.

Четвертая аномалия: боль в груди.

Я не ранен, повторил он. Только этот спазм настигал его несколько раз, но быстро проходил. Какая это боль? Раздирающая. Перехватывающая дыхание.

Дыхание, повторил Маркус. Если бы он не очнулся, то умер бы от удушья. Недостаток кислорода, возможно, привел к потере сознания, а затем и памяти. На ум снова пришел образ прожорливого насекомого, которое прогрызает нору у него в груди.

Это удушье, эта боль не патологии. *Они чем-то вызваны.* Теперь Маркус знал, что ему делать.

Он снова встал на колени. Нагнулся вперед. Закашлялся, все сильнее и сильнее, в надежде, что спазм вернется и вместе с ним раздирающая боль в груди и в боку. Нагой, колена преклоненный, словно кающийся грешник, он призывал спасительную муку. Напряг диафрагму, пытаясь извергнуть то, что находилось в желудке. Жестокий спазм, затем еще один. Рвота. Пища, жидкости. Он не ошибся: доказательство

– то, как все это поднимается по пищеводу.

Меня заставили что-то проглотить. Чужеродное тело – насекомое.

Тварь не двигалась – возможно, вцепилась в ткани. Нужно выбить ее. Он снова и снова вызывал рвоту. Каждый раз боль была раздирающая, но Маркус чувствовал, что чужеродное тело медленно продвигается. Когда вышли все остатки пищи, он стал выплевывать желудочный сок. Затем настал черед крови. Маркус ощутил на языке ее металлический вкус, но не отступился, несмотря на опасность внутреннего кровотечения. Время от времени прерывался, чтобы отдышаться. Однако чужеродное тело миллиметр за миллиметром выходило наружу.

Это – дьявол. Он принял вид насекомого и завладел мною. Моей душой. Господи, помоги мне. Боже Всемогущий, помоги мне.

Глаза горели, челюсть едва не отваливалась. Маркус знал, что долго не выдержит. А если снова потеряет сознание, то больше не очнется. Последним, отчаянным усилием вызвал мощнейший спазм. И почувствовал, как в рот вместе с кровью проникло что-то твердое. Как при экзорцизме, он освободился от демона. Хотя и не был до конца в этом уверен.

Пока не услышал, как что-то звякнуло. Перед ним, совсем рядом.

Не дожидаясь, пока ему станет лучше, Маркус погрузил лицо в жидкую грязь и стал искать чужеродное тело тем же

ртом, из которого его выплюнул. Губы коснулись металла. Так он и думал.

Насекомое не что иное, как маленький ключ.

Маркус взял его в зубы и снова подполз к стене. Уронил у ее подножия, снова подобрал кончиками пальцев. Ему не терпелось освободиться, поэтому операция заняла больше времени, чем требовалось. Наконец ему удалось вставить ключ в замок наручников и отстегнуть их.

Вновь обретя возможность пользоваться руками, он вернулся туда, где раньше почувствовал сквозняк. Чтобы не поскользнуться, очистил пол от липкой грязи. Потом пригнулся, разогнулся и прыгнул, вытягивая руки вверх. Неудача. Вторая попытка. Опять ничего. Только на седьмой раз он коснулся свода. Еще десять попыток – и ему удалось вцепиться в закругленный край отверстия. Невероятным усилием он подтянулся, уперся локтями о пол верхнего отсека, заскользил, обдирая руки. Но не ослабил хватку. Цеплялся ногтями за каменный пол, вжимался в него всеми мускулами, всеми костями.

Наконец выбрался наружу. Но и там его ждала темнота.

Маркус лег на спину, собираясь с силами. Он раскинул руки, грудь двигалась, словно поршень, при каждом вздохе. Маркус перекрестился в знак благодарности за спасение. Потом попытался собраться с мыслями. Он помнил, что от верхнего уровня Туллиануса отходило несколько галерей, ведущих на поверхность. Мало-помалу, на ощупь, он оты-

щет выход.

Поднимаясь, он зацепился за что-то коленом. Пошарив по полу, нащупал длинный предмет из пластмассы. Электрический фонарь. Маркус включил его. Луч света попал в лицо, заставил зажмуриться. Тогда он повернул фонарь к отверстию, ведущему в нижний отсек.

Из черной пасти сочилась тьма.

Маркус отвел оттуда луч и стал исследовать помещение. Тогда он ее и увидел. Свою одежду, сложенную в углу. Его поразило, как аккуратно свернута каждая вещь. Он продрог, стоило одеться. Но вещи насквозь промокли от дождя. *Значит, я здесь недолго*, сказал он себе, *иначе они бы высохли*. Маркус все равно оделся, иного выхода не было. И сделал очередное открытие.

Вместо своих обычных черных ботинок он обнаружил белые парусиновые туфли. Откуда они взялись?

Одевшись, он сунул руку в правый карман брюк, проверить, на месте ли медальон с изображением святого Михаила-архангела, покровителя пенитенциариев. Рядом с медальоном обнаружился листок, сложенный в несколько раз. Маркус поднес его к глазам. Развернул.

Страничка, вырванная из записной книжки.

Маркус сразу узнал свой почерк. Одним из правил охотников за теньями было не оставлять следов, по которым можно было бы обнаружить их существование. Маркус не делал записей, не пользовался диктофоном, старался, чтобы его не

снимали на видео и не фотографировали. Не имел никакой электроники, по которой его можно было бы выследить или обнаружить его местонахождение, даже сотового телефона. Поэтому такая находка показалась ему еще более странной, чем белые парусиновые туфли. На листке виднелась краткая запись:

Найди Тоби Фрая.

Послание, которое он оставил себе самому. Маркус из прошлого, из момента, предшествовавшего краткой амнезии, которая привела его на дно темной и зловонной ямы, нашел способ подать весточку Маркусу из настоящего.

Речь наверняка шла о срочном деле. Кто такой Тоби Фрай? Кто-то знакомый? Это имя – единственная зацепка, только оно поможет восстановить память о том, что случилось в последние часы ночи перед блэкаутом.

Прежде чем отправиться на поиски выхода, Маркус еще раз заглянул вниз. Такое ощущение, будто он не один. Будто бы там, внизу, кто-то все время был рядом, таился во тьме. Молча следил за ним, проникая мрак зоркими глазами.

7 часов 24 минуты до захода солнца

Общественные заведения, магазины, офисы и школы закрылись на неопределенный срок. Погасли уличные фонари, а вместе с ними и светофоры на перекрестках. Только бригады «скорой помощи», полицейские и пожарные имели право разъезжать по городу, всякое иное движение прекратилось. Метро тоже было закрыто.

Передвигаться можно было только пешком.

По идее город должен был опустеть. Но несмотря на чрезвычайное положение, некоторые по-своему восприняли ситуацию. Невзирая на предупреждения и рекомендации, люди во множестве высыпали на улицы, дабы лично присутствовать при удивительном явлении, собственными глазами увидеть Рим, избавленный от беспорядочного скопления автомобилей и толп туристов. Странная эйфория, род коллективного безумия, овладела людьми, подвигая их на безрассудство: бросая вызов непогоде, они толпились на мостах, на площадях, чтобы отпраздновать неизбежный и жалкий конец города, считавшегося вечным.

Маркус смешался с толпой, невидимый, как всегда. Сунув руки в карманы куртки, сгорбившись, пряча лицо за поднятым воротником, он жался к стенам домов, чтобы укрыться от дождя.

Он был чужим посреди этого стихийно возникшего карнавала. Но на него никто не обращал внимания. Все были слишком заняты, творя экзорцизм, изгоняя страх, о котором никто не упоминал, но который, собственно, и послужил истинной причиной того, что люди покидали дома. Пока длился день, пока слабый свет позволял различать лица друг друга, все происходящее представало перед их глазами неожиданно новым, полным радости и веселья. Но Маркус явственно ощущал их подспудный, неосознанный страх.

Никто не знал, что будет, когда опустится тьма.

Несмотря на меры, принятые для предотвращения анархии, несмотря на заверения властей, заход солнца представлялся неким подсознательно ощущаемым водоразделом. С того момента город превратится в вотчину теней. Они пока что прятались на пределах света, но под покровом сумерек выйдут из укрытий, давая волю самым опасным импульсам.

Поэтому Маркус ускорил шаг: им овладело дурное предчувствие. Как еще можно было объяснить инструкцию, содержащуюся в листке, который он нашел у себя в кармане?

Найти Тоби Фрая.

В иных обстоятельствах он прежде всего зашел бы в интернет-кафе и поискал бы ссылки в Сети. Но блэкаут все изменил. То, что раньше решалось просто, сейчас оказалось практически невозможным. Поэтому первым делом пениitenciарий направился к себе домой, на улицу деи Серпенти. Нужно было переодеться в сухое. И побыстрее: Маркус бо-

ялся, что за домом следят, хотят удостовериться, что он не выжил после пытки в Туллиануме. Он совершенно не помнил, кто его враг, даже не способен был восстановить ход событий, уяснить себе, ради чего ему пришлось рисковать жизнью, так что приходилось полагаться на инстинкт, который подсказывал, что следует проявлять крайнюю осторожность.

Подойдя к дому, Маркус остановился на другой стороне улицы, на углу. Исподтишка поглядел по сторонам. Улочки района Монти заполняла молодежь, парни и девушки двигались к более людным местам, где разворачивались неуместные празднества. Их крики и хохот, чуть приглушенные шумом дождя, гулко раздавались между старых стен.

Маркус выждал с четверть часа, дрожа от холода под козырьком крыльца. Наконец убедился, что опасности нет: нигде ничего подозрительного, никакой засады. Тогда он вышел из укрытия.

Проворно юркнул в парадное и по лестнице доходного дома поднялся в мансарду. Все эти годы жильцы не выказывали особого любопытства по поводу загадочного обитателя последнего этажа. Маркус редко бывал на виду. Днем он запирался у себя и старался как можно меньше шуметь. По ночам выходил выполнять свою миссию и возвращался только на заре.

Добравшись до тесной квартирки, извлек ключ из выемки рядом с косяком и открыл дверь.

Все было на месте, все как прежде, насколько он мог

припомнить. На полу – открытый чемодан с одеждой, в углу примитивное ложе. На стене, вдоль которой располагалось это ложе, устланное простынями и одеялами, под деревянным распятием виднелись надписи, сделанные фломастером. Они относились к тому первому разу, когда Маркус нарушил правило, запрещающее пенитенциариям что-либо писать от руки: во второй раз это случилось ночью, чему свидетельство – листок, найденный в кармане. Знаки на стене он оставил после событий в Праге и тяжелой амнезии, поразившей его. Уже приехав в Рим, в отчаянных попытках воскресить прошлое, просыпаясь, он записывал на стене обрывки воспоминаний, которые всплывали на поверхность, – обломки крушения, которое он потерпел внутри самого себя, мертвецы, которых море тьмы отдавало одного за другим. Надписи уже выцвели, да и тревога исчезла. Теперь Маркус уже не боялся того, что случилось с ним: боялся только, что это случится еще раз.

Как сегодня ночью, подумал он. Мысль о том, что он не может припомнить последние часы, терзала его. Это единичный, случайный эпизод или такое может произойти снова?

Размышляя об этом, Маркус переодевался. Хотелось бы также сменить белые парусиновые туфли, насквозь промокшие под дождем. Но у Маркуса не было другой обуви, кроме черных ботинок, которые надевались неизвестно куда. Чтобы снова натянуть мокрые туфли, он уселся на единственный в комнате стул. И замер. Его внимание что-то привлекло. На

постели, поверх скатанных одеял, лежала хорошо знакомая фотография.

Никто не знает обо мне. Никто не знает, кто я такой, твердил он себе в тюрьме Туллианума. Но это неправда. Кто-то о нем знает. И доказательство – эта фотография.

Моментальный снимок женщины, сделанный украдкой, на разовый фотоаппарат из картона, купленный в сувенирном киоске в Трастевере. Он до сих пор вспоминал момент, когда сделал эту фотографию.

После того как они навсегда простились – и после поцелуя, о котором Маркус не забудет никогда, – он часто следил за ней исподтишка. Его толкала на это неодолимая потребность заботиться о ней, убедиться, что у нее все хорошо. Только это, больше ничего, уговаривал он сам себя. Но однажды захотел ее сфотографировать. Дождался, пока она выйдет из дому тем осенним утром. Над Римом дул свежий ветер, порывистый, резкий. Чтобы улучшить момент, Маркус подошел к ней совсем близко. Ветер задул сильнее, и она обернулась, будто услышав в его свисте свое имя – Сандра.

Маркус запечатлел именно этот момент.

В этой единственной, драгоценной фотографии заключалась вся ее сущность. Сила и нежность. И печаль во взгляде.

Маркус прятал фотографию под подушкой. Когда он вспоминал, что лицо Сандры ждет его в этой пустой мансарде, ему казалось, будто он возвращается домой. Но теперь фотография лежала не на месте. И тому было только одно

объяснение.

Его кто-то навестил. И, уходя, пожелал оставить зримый след своего визита.

Маркус бережно коснулся фотографии. Поднял ее за уголок и увидел под ней маленький черный крестик из обсидиана. Он сразу уяснил себе значение находки.

Пенитенциарий был призван.

Батиста Эрриага стоял перед широким окном своей роскошной мансарды с видом на Императорские форумы.

Великолепная панорама поблекла от дождя, но кардинал этого не замечал. Погруженный в раздумья, он вертел пастырский перстень на указательном пальце правой руки. Это движение, почти бессознательное, помогало ему размышлять.

За его спиной в огромном камине из розового травертина потрескивал огонь. Блики от пляшущих языков пламени скользили по белой обивке диванов, по стенам, расцвечивая лица эфебов из белого мрамора, добавляя красок триптиху из Священной истории, написанному Гверчино и принадлежавшему в семнадцатом веке к частной коллекции кардинала Лудовизи, или оживляя скорбящий лик Мадонны кисти Перуджино. С этими шедеврами соседствовали картины Гирландайо и Антонио ди Поллайоло, Паоло Уччелло и Филиппо Липпи. Они происходили непосредственно из музеев Ватикана: Эрриага, занимавший прочное положение в курии, испросил их для украшения своих апартаментов и получил желаемое. Испытав в детстве и юности на Филиппинах голод и нужду, кардинал теперь любил обращать свои взоры исключительно на прекрасное. Но в данный момент произведения искусства не дарили ему утешения.

День его начался рано, и начался с самого худшего.

И подумать только: вчера вечером, прослушав прогноз погоды, он запланировал с комфортом переждать бурю у себя дома, в тепле, погрузившись в любимое кресло, в обществе Моцарта, коробки сигар «Монтекристо № 2» и бутылки коллекционного виски «Гленфиддиш» 1937 года.

Несмотря на атмосферу умеренности, царящую с некоторых пор в Ватикане, Эрриага не намеревался отказываться от немалого количества материальных благ. И в отличие от прочих коллег-кардиналов, которые для публики приняли более скромные стандарты в одежде и поведении, оставив роскошь для частной жизни, он на все на это плевать хотел. По-прежнему носил сутаны из шелка и мохера, пошитые в мастерских на улице Честари, надевал на шею золотые кресты, усеянные бирюзой и аметистами. И продолжал посещать рестораны, в которых представители высших сфер Ватикана заключали соглашения со столичными политиками и предпринимателями: «L'Eau Vive» рядом с Пантеоном, где любил заказывать знаменитые *Filets de perche à la pèkinoise*,² «Веландо» в Борго-Сан-Витторио, где всегда брал на десерт мягкое мороженое из каштанов с миндальным кремом, до какой-то сласти был большой охотник. Разумеется, запивал он еду самыми дорогими винами: предпочитал красное «Шамболь-Мюзины» и «Брунелло ди Монтальчино». И все это потому, что он никогда не был и никогда не будет таким, как

---

² Филе окуня по-пекински (фр.).

другие.

Адвокат дьявола в Судилище душ обладал огромной властью.

«Первому исповеднику» Рима были известны самые тайные грехи людей. И он этим пользовался, чтобы заключать союзы и усмирять врагов как вне, так и внутри Церкви. Кто-то, может, и определил бы его увещевания как шантаж, но Эрриаге, когда он вершил свои дела, нравилось воображать себя добрым отцом семейства, которому иногда приходится наставлять детей, сбившихся с пути истинного. Он полагал, даже наедине с собой, будто преследует высшую цель, которая каким-то образом весьма благотворно влияет на его текущий счет.

Уже много лет Эрриага держал в кулаке половину Рима, благодаря тому что получил доступ к чужим секретам.

Дело в том, что многие, запятнав себя какой-нибудь гнусностью, совершали роковую ошибку: шли к священнику, чтобы облегчить свою совесть. Смертные грехи, которые не может отпустить рядовой служитель Церкви, поступают в Судилище душ, для католиков – последнюю инстанцию, где рассматривается каждый *culpa gravis*.³ Там кардинал и знакомился с ними. Эрриага с самого начала отдавал себе отчет, что очередной кающийся грешник рано или поздно возьмется за старое. Все они таковы: вроде бы и одумались, и искренне сожалеют, но достаточно какого-нибудь пустяка, что-

---

³ Смертный грех (лат.).

бы все началось сначала.

Прощение, отпущение грехов – вот питательная почва, на которой возрастает искушение.

Эрриага сожалел о том, что прошли времена святой инквизиции, когда грешников наказывали телесно, по всей строгости за их злодеяния. Доказано, что многие обращались в веру и больше не поддавались на лживые посулы демона.

Грех искоренялся болью.

К сожалению, кардинал не располагал подобными средствами убеждения, поэтому терпеть не мог, когда события выходили из-под контроля.

И со вчерашнего вечера две новости глубоко взволновали его.

Первая – объявление блэкаута как непредвиденное следствие разгула стихии. Мысль его сразу же обратилась к определенному моменту в истории. Пророчество Льва Десятого, напомнил он себе, и странное беспокойство овладело им, будто ледяная вода побежала по венам.

Вторая новость поступила после отключения электроэнергии, когда он метался в тревожном сне и никак не мог пробудиться. В первый момент он благословил голос секретаря, который избавил его от мучений. Но, взглядевшись, понял, что перед ним – вестник несчастья.

В стенах Ватикана произошла скоропостижная смерть.

Хотя Эрриага и не был суеверен, но и он призадумался,

не связаны ли между собой два этих события.

Пророчество... Знаки...

Он с досадой отмахнулся от этой мысли. Но как ни пытался кардинал ее отогнать, идея пустила мелкие корешки в его уме, словно зловредный сорняк, который вырастает снова и снова, сколько его ни вырывай.

Если бы не блэкаут, он позвонил бы на голосовую почту по номеру, известному только ему, и оставил бы сообщение. Но пришлось выкручиваться по-другому. Эрриага снял облачение и надел единственный штатский костюм, который хранил в глубине шкафа и использовал, когда хотел пройти неузнанным по улицам Рима. Потом натянул плотную куртку, нахлобучил на голову кепку с козырьком и отправился в район Монти по определенному адресу. Там прождал больше, чем следовало. Потом, потеряв терпение, в досаде удалился, оставив обитателю квартиры недвусмысленное приглашение.

Обсидиановый крестик.

Вернувшись домой, он отпустил прислугу и остался один. Эрриага знал, что этих предосторожностей недостаточно. Так или иначе, он рисковал, но выбора не было.

Тут он услышал слабый шорох у себя за спиной. Открылась дверь, прошелестели шаги.

Дверь черного хода специально оставили открытой, и Маркус поднялся по служебной лестнице. Обычно все добирались на лифте прямо до верхнего этажа, но в данный момент лифт, разумеется, не работал. Но даже если бы электричество не отключили, Маркусу не следовало пользоваться лифтом. Пенитенциарий знал, что само его присутствие в этом доме представляет собой фактор риска. Кардинал, встречаясь с ним, всегда принимал меры предосторожности, выбирал тайные или уединенные места. Личность пенитенциария и его миссия хранились в глубокой тайне, никто не должен был обнаружить между ними связь. Если Эрриага взял на себя труд побывать в его мансарде, а потом вызвал его к себе, значит дело серьезное.

Кардинал обернулся, взглянул на него. Маркус стоял неподвижно в самом темном углу комнаты, одежда его насквозь промокла под дождем, и у ног образовалась небольшая лужа, которая медленно растекалась по полу из белого каррарского мрамора. На лице пенитенциария остались явные следы того, что ему пришлось пережить этой ночью. Эрриаге он не станет рассказывать – пока... но по взгляду кардинала Маркус определил, о чем тот подумал. А именно: сможет ли он в таком состоянии выполнить поручение?

– Сегодня ночью умер один человек, – заговорил филипп-

пинец. – Не абы кто. Человек *могущественный*. – Последнее слово Эрриага особо выделил. – Из тех, кто, как правило, мнит себя бессмертным. А сам умер, и умер по-дурацки.

Маркус заметил, что под сарказмом, под обычным пренебрежительным тоном кардинала что-то скрывается. Неужели страх?

– Ты знал епископа Горду?

В памяти тотчас же всплыло лицо. Артуро Горда – человек, которого невозможно не знать. Харизматичный лидер мощной конгрегации, организующей духовные радения. Толпы и толпы людей, собравшихся ради молитвы. Горда – человек, вселяющий надежду, защитник бедных и беспомощных. Как никто, способный словом, жестом воспламенить огромные массы людей.

В Ватикане не спешили признавать его достоинства. Его воспринимали как фигуру неудобную, не вписывающуюся в рамки, далекую от определенных политических игр. Его продвинули и приняли в Римскую курию только на склоне лет. Возможно, потому, что он не мог уже претендовать на престол святого Петра. Горда, однако, пользовался особым расположением понтифика, который желал всегда иметь его при себе. По настоянию папы Горде выделили небольшую квартиру в Апостольском дворце, рядом с его собственными апартаментами. Он был больше чем простой советник. Устами его говорил сам папа.

Сильные мира сего боролись за право получить у него

аудиенцию. Но Горда предпочитал популярность среди простого народа. Его любили, он, хотя и имел право на определенные привилегии, вел скромную жизнь.

По этой причине и по многим другим епископ являл собой полную противоположность Батисте Эрриаге. То, что эти двое друг друга не жалуют, ни для кого не было секретом. Но смерть соперника не обрадовала кардинала. Более того – и сам момент смерти, и ее обстоятельства представляли проблему.

– Горда оставил по себе память, – сказал Эрриага. – Некоторые прозревали в нем качества, присущие святому. Никого бы не удивило, если бы после смерти ему стали бы воздавать почести на алтаре. – Кардинал предпочел бы такой исход и говорил искренне то, что в данный момент думал. – Но после этой ночи...

Эрриага подошел к сработанному в Неаполе в восемнадцатом веке драгоценному письменному столу, за которым Пий Девятый начертал буллу *Ineffabilis Deus*.⁴ Маркус разглядел несколько лежавших там поляроидных снимков. Кардинал велел людям из жандармерии Ватикана сделать их сразу после того, как нашли тело. Эрриага поспешно собрал их и сунул гостю в руки, словно желая как можно скорее отделаться от этих изображений.

Маркус начал просматривать снимки.

---

⁴ «Боже неописуемый», название буллы Пия IX, провозгласившей догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Была выпущена 8 декабря 1854 г.

– Им пришлось объяснить мне, что это за штука, сам бы я нипочем не догадался, – заметил Эрриага. – Ее называют «удавка наслаждения» и используют в эротических играх, при самоудовлетворении. Любопытная штука, ты не находишь?

Фотографии изображали скорчившегося голого старика. На голове – очки добавленной реальности, скрывающие большую часть лица. Провод соединял этот аппарат с кожным ошейником, стискивающим горло жертвы.

– Похоже, некоторые испытывают наслаждение, когда их душат, – заметил кардинал. А Маркус снова задумался над тем, какой смысл могло иметь удушье, которое он испытал утром в Туллиануме. – На экране мелькают порнографические картинки, и сексуальное возбуждение нарастает. Соответствующие сенсоры реагируют на него, и ошейник постепенно сжимается, вызывая медленное удушение, которое, как говорят, обостряет удовольствие.

Маркус удивился, не ожидая услышать подобное описание из уст кардинала, но тот, казалось, не видел в этом ничего особенного и разглагольствовал непринужденно.

– Никто и вообразить не мог, что старик имел привычку запирается у себя в кабинете, чтобы смотреть неприличные картинки и мастурбировать с помощью этой штуковины.

– Но кто утверждает, что он смотрел порнографию? – возразил Маркус.

Самое вероятное предположение, но Маркусу не хотелось

его принимать.

– Ты прав, – кивнул Эрриага: в самом деле, никто не мог в этом удостовериться, ведь тело нашли после отключения электричества. – Но по сути, какая разница для святого человека? Горда должен был опочить как мученик, а он умер как собака. – Конец фразы кардинал произнес суровым, обвиняющим тоном. Точно так в Судилище душ он завершал свои обвинительные речи. Малейшим изменением интонации Эрриага был способен повлиять на приговор.

Маркус ничего не сказал, ни о чем не спросил. История и без того достаточно мутная.

Кардинал подошел к огню, оперся о каминную полку. Теперь блики пламени забавлялись тем, что рисовали на его лице зловещие тени.

– Горда уже много лет не выходил из дому. Страдал агорафобией. Теперь мир захочет узнать правду о его смерти. – По этой единственной причине Эрриага благодарил Небо за блэкаут, который помешает средствам массовой информации сразу распространить новость.

– Почему мы? Почему я? – спросил Маркус.

Будь на его месте кто-то другой, Батиста Эрриага с раздражением пресек бы любую попытку потребовать объяснений. Его приказы не обсуждаются: их исполняют, и точка. Но Маркус не был обычным подчиненным. Священник – но опасный. Обученный охоте за злом. Он бы должен служить мессу, как все лица духовного звания, но ему была поруче-

на самая трудная миссия: познать и одолеть истинную природу человека. За долгие годы ключья полного теней тумана, среди которого обычно проходили его расследования, неизбежно должны были прилипнуть к нему. Эрриага догадывался об этом, встречая пристальный, изучающий взгляд глубоко запавших глаз. Целью Маркуса, последнего представителя ордена пенитенциариев, было восстановить добро. И зачастую ему это удавалось. Но под стремлением к справедливости могла скрываться жажда мести. Кардинал вовсе не желал удостовериться, насколько обоснованны его страхи, поэтому ответил:

– Есть риск, что кончина Артуро Горды может очернить его благородное дело. Пострадают беспомощные бедняки, а это несправедливо. – Он надеялся, что такого объяснения достаточно, чтобы удовлетворить любопытство пенитенциария. Не мог же он сказать, что причина в другом и с самой ночи его терзает смутное предчувствие. Пророчество Льва Десятого, повторил он про себя, не сводя глаз с огня, пылающего в камине. – Каждый человек грешен. Каждый грех – тайна. Будет справедливо, если какие-то дурные дела умрут вместе с нами. Смерть порой бывает бесстыдна, ей доставляет удовольствие выставить нас на позор. Непоправимо запятнать то, чем мы были при жизни.

Маркус знал, что слова кардинала относятся также и к нему, священнику, который прячет под подушкой фотографию женщины.

– Чего вы хотите от меня, что я должен сделать? – спросил он.

Эрриага, оживившись, взглянул на него:

– Уборку.

Подобно пчелиному рою, на низкой ноте гудели компьютеры.

В полумраке взвизгивали телефоны. Рабочие отсеки, каждый из которых освещала светодиодная лампа на гибком штативе, казались маленькими оазисами света. Из кондиционера исходил слабый запах аммиака, вода в кулере была по-прежнему одной и той же, раз навсегда заданной температуры: не слишком холодная.

Витали находил утешительным перечень таких незначительных ощущений. Мы никогда не обращаем особого внимания на детали, подумал он. До тех пор, пока они вдруг не пропадают. Словно по волшебству исчезают из общей картины, оставляя чувство неуверенности, бренности. И в эти часы там, снаружи, люди понемногу теряли свои мелкие привязки к системе координат. Репетиция конца света.

Что будет завтра, когда Рим очнется от кошмара, в который погрузил его краткий технологический апокалипсис? Никто не мог сказать. И Витали находил это довольно забавным.

Оперативный центр кризисного подразделения полиции располагался в бункере, в нескольких шагах от Министерства внутренних дел, в самом центре города. Мощные генераторы гарантировали совершенно автономную подачу энер-

гии. Подразделению присвоили кодовое название «муравейник», в память о Мегрэ.

Название Витали нравилось: подходящее, вполне уместное. В данный момент в центре трудились человек восемьдесят. Они постоянно перемещались с места на место, но в их движениях не было заметно никакой нервозности. Все совершалось в полном спокойствии. Никто не повышал голоса, складывалось впечатление, будто каждый точно знал, что ему делать.

Витали, в светло-сером костюме, голубой рубашке и коричневых мокасинах, трижды погладил узел синего галстука, поправляя его. Потом отхлебнул свежей воды из стаканчика, глядя на обширную стену мониторов, простиравшуюся перед ним.

Более сотни экранов, на которых мелькали образы, запечатленные тремя с лишним тысячами телекамер, расставленных по всему городу.

Перед полем мониторов сидело немалое количество агентов в наушниках, они брали на заметку все, что казалось подозрительным, с целью зафиксировать или предотвратить преступление. Работа кропотливая, требующая огромного терпения, но в данных обстоятельствах более чем необходимая. До сих пор было выявлено не много случаев, требовавших вмешательства патрулей, и все нарушения не были особо тяжкими. Люди, бросившиеся в супермаркет, чтобы запасти продукты до того, как магазин по необходимости за-

кроется, устроили драку; какие-то наркоманы не совладали с искушением ограбить аптеку средь бела дня.

Настоящие орды выйдут на улицы с приходом темноты.

Витали знал: несмотря на заверения властей, ночью воцарится хаос. Пользуясь гарантией незримости, мародеры ринутся в магазины и офисы, оставшиеся без охраны. То же самое – вандалы, которые смогут беспрепятственно крушить все вокруг. Тем более – сведение счетов, такие намерения прямо-таки витали в воздухе. Уличные банды готовились к войне с соперниками, а организованные преступные группировки собирались воспользоваться обстоятельствами для выяснения отношений и заодно произвести чистку в собственных рядах. С самого рассвета Витали подмечал признаки того, что случится в Риме под покровом тьмы.

Намечался также целый ряд преступлений, которые невозможно предотвратить. Безвластие многих способно свести с ума. Люди, которых никто никогда ни в чем бы не заподозрил, решат дать выход давно копившейся обиде или злобе. Соседи, которые терпеть не могут друг друга. Мужья, готовые избавиться от жен. Жены – расправиться с мужьями. Подчиненные, собравшиеся нанести визит начальнику.

Разговоры о простынях, которые следует вывешивать в окне, прося о помощи, – колоссальный блеф. Никому не гарантирована безопасность. Городские психопаты уже вооружались, предвкушая месть или просто собираясь дать выход инстинктам, подавляемым годами.

Никто не хотел в этом признаться, но в подобных обстоятельствах держать под контролем такой мегаполис, как Рим, было невозможно.

Хотя в столицу и стянули подразделения из других регионов страны, полицейских для патрулирования улиц было недостаточно, если учесть толпы потенциальных злоумышленников, к тому же не все патрули получили соответствующее снаряжение, чтобы противостоять организованным нападениям, мятежам или даже бытовому насилию. У карабинеров дело обстояло не лучше. На подготовку плана по обеспечению безопасности было отпущено несколько часов. Большинство агентов были призваны защищать не население, а министерства, правительственные резиденции и посольства, то есть объекты, которые могли бы спонтанно подвергнуться атаке террористов. Политики и государственные чиновники высшего ранга вместе с семьями были эвакуированы в великой тайне, ночью, под специальным конвоем, словно в пику обычным горожанам, которые не имели возможности покинуть город.

И никто не сказал населению, размышлял Витали, что в действительности дерьма скопилось больше и оно воняет сильнее, чем принято считать. Но скоро всем это станет ясно. Витали вновь и вновь возвращался к этой мысли, прикидывая, сколько жителей Рима не доживет до рассвета.

Хотя в министерстве и разработали детальный план действий в чрезвычайной ситуации, технические средства, ко-

которые должны были его обеспечить, до сих пор не испытывались на практике. В системе имелись существенные изъяны, а сочетание стихийного бедствия с блэкаутом самым драматическим образом подчеркивало эти недостатки. Например, никто не мог определить, на сколько хватит мощности батарей, питающих камеры наружного наблюдения, расставленные несколько месяцев назад и обошедшиеся налогоплательщикам в несколько десятков миллионов. Обычное дело. Дерьмо всегда всплывает всей кучей.

Поэтому в данный конкретный момент Витали радовался. Радовался порядку, который царил в оперативном центре. Радовался тому, что хлопотливые муравьи прилежно выполняли задания. Радовался пистолету, который носил под пиджаком, ведь, как страж порядка, он имел право применять оружие, чтобы заставить уважать закон. Радовался свежей воде, олицетворявшей ценности, которыми часто пренебрегают, – чистоту и опрятность. Витали как раз высоко ценил их.

Как многие другие его коллеги, Витали был призван на «бессрочное дежурство», иными словами, поступил в полное распоряжение командования. Но ему и не о чем было особо жалеть. Недавно он завел любовную связь и охотно заперся бы дома со своей новой подругой и несколькими граммами кокаина, наслаждаясь попеременно то женщиной, то наркотиком. Но эта трусиха предпочла остаться с детьми и с мужем. Худшее в грядущем апокалипсисе то, что в случае

чего придется встретить его в одиночку.

Вот почему инспектор Витали из отдела криминальной статистики был готов к любому виду деятельности.

Его квалификация менялась с поразительной быстротой. Его перемещали с одного поста на другой в среднем раз в полгода. Он занимался общественной нравственностью, потом – автопарком, потом работал в редакции ведомственного журнала. В какой-то момент – *боже милосердный!* – его даже направили по школам, проводить с учащимися беседы о вреде наркотической зависимости. Задания, от которых любой агент пытался бы отвертеться, приберегаемые для зануд или для тех, кто схлопотал дисциплинарное взыскание, потерял голову при исполнении служебных обязанностей, например угрожал пистолетом мальчишкам, решившим разрисовать стену. Но Витали это вполне устраивало. Пусть его считают неспособным, никчемным. В сущности, этого он и добивался. И до сих пор прикрытие работало превосходно.

Никто не должен был знать, чем в действительности занимался инспектор Витали.

Он заметил небольшую делегацию, шествовавшую по «муравейнику». Комиссар Креспи из убойного отдела, старший комиссар полиции Альберти и сам главный начальник префект Де Джорджи. С последним Витали обменялся понимающим взглядом. Прежде чем последовать за ними, инспектор допил воду и выбросил стаканчик в специальный контейнер для бумажных отходов, предназначенных к пере-

работке: ведь хаос, во всяком случае в «муравейнике», все еще не возобладал. В группе старших офицеров Витали заметил женщину.

И узнал ее, хотя никогда раньше не видел.

* * *

Сандра Вега на несколько шагов отстала от группы. То ли из соображений субординации, то ли потому, что задавала себе вопрос, что ей делать в «муравейнике». На рассвете к ее дому в Трастевере подъехала патрульная машина. Двое незнакомых ей молодых полицейских заявили, будто их прислали, чтобы сопровождать ее.

Сандра только что позавтракала и надевала форменный пиджак, поскольку скоро должна была заступить на дежурство. Эта сцена, казалось, вернула ее в прошлое, от которого она с таким трудом пыталась отрешиться. Много лет проработав фотографом в отделе экспертов-криминалистов, она добилась перевода в паспортную службу. Выбор прицельный, намеренный. Жить прежней жизнью уже было невозможно. Являться первой на сцену преступления, запечатлевать на пленку места, указания, улики и безжизненные тела – все это со временем стало изнурять, выматывать.

После дела Римского монстра Сандра решила, что с нее хватит.

Паспортный стол оказался наилучшим прибежищем.

Отъезжающие – бизнесмены, молодожены, предвкушающие медовый месяц, люди, едушие в отпуск. Прибывающие – иностранцы, много лет прожившие в Италии и наконец получившие гражданство для себя и своих детей. Их жизни проходили перед Сандрой, совершенно безобидные. Не причиняющие боли, в отличие от снимков изувеченных тел. Эти люди позировали для фотографии на документы, сохраняя, согласно правилам, серьезное выражение лица. Но Сандра видела, как, преодолев бюрократические формальности, они уходили с улыбкой, думая о том, что их ожидает. О будущем. Дурацкая фраза крепко засела в голове Сандры: мертвым будущего не дано. Эта простая, банальная истина давала ей силы вставать с постели каждое утро. Даже сегодня.

Хотя по причине блэкаута ее и отстранили от обычных обязанностей и, как многих коллег, временно определили в патруль, Сандра не могла себе представить, с какой стати кто-то должен сопровождать ее на работу. Когда ей сказали, что направляются в «муравейник», Сандра должна была что-то заподозрить. Что ей делать в оперативном штабе? Тому есть серьезная причина, подумала она, и предчувствие обратилось в уверенность, когда в пункте назначения Сандру встретил комиссар Креспи.

Ее бывший начальник был взволнован.

– Шеф хочет видеть тебя.

И вот Сандра, чуть поотстав, покорно следует за делегацией, которая через зал оперативного центра направляется

в отдельный кабинет.

Префект Де Джорджи подождал на пороге, пока все войдут, затем запер дверь.

– Хорошо, – проговорил он. – Думаю, мы можем начинать.

Сандра знала всех, кроме тощего франта в ужасных мокашинах, который без конца теребил узел галстука, поправляя его.

Вошедшие расселись по стальным стульям, составлявшим часть спартанской обстановки комнаты. Де Джорджи сел за маленький письменный стол. Стены были голые, на столе – только два телефонных аппарата, подсоединенные к сложной панели. Шеф поставил локти на стол, но тут же в ужасе поднял их, вздымая пыль со столешницы.

– Мне пришлось покинуть свой кабинет и приехать в эту дыру, где, кажется, позабыли сделать уборку.

Сандра устроилась поодаль, у самой стены, продолжая задаваться вопросом, что она делает здесь, среди больших начальников. Франт беспокоил ее больше всех. Он сидел положив ногу на ногу. Тщательно выбритый, с орлиным носом. Светло-серый костюм, безупречно отглаженный. В галстук – золотая булавка, на среднем пальце левой руки – кольцо с рубином, тоже золотое. Кто он, черт побери, такой?

– Министр поручил мне передать вам самый горячий привет, – проговорил начальник полиции. Все закивали в знак благодарности так, будто министр лично явился перед ними. – Он будет следить за развитием ситуации со своей вил-

лы в Тоскане.

Они так привыкли выказывать почтительность, отметила Сандра, что и не замечают, как на самом деле смешны.

– Я лично информировал министра, совсем недавно, – счел своим долгом вмешаться старший комиссар Альберти. – Ситуация в целом находится под контролем. Люди, прошедшие хорошую подготовку, предотвращают панику и блестяще противостоят отдельным попыткам воспользоваться блэкаутом, чтобы нарушить закон.

– Хорошо, очень хорошо! – расплылся начальник полиции в довольной улыбке. – До сих пор мы работали отлично. Так и нужно действовать впредь.

Вот пара мудаков, подумал Витали. Осыпают друг друга похвалами, в то время как там, снаружи, все стремительно летит в тартарары. Он перевел взгляд на агента Вегу и по выражению ее лица догадался, что ей так же противно, как и ему самому. Витали предлагал пригласить на эту встречу еще одну женщину, чтобы Сандра чувствовала себя более комфортно, но начальник полиции не внял его просьбе.

Тем временем комиссар Креспи повернулся к Сандре и спросил вполголоса:

– Ну как ты?

Бывший начальник поддержал ее решение бросить все, он всегда был к ней добр, и Сандра это ценила.

– Лучше, – поспешила она успокоить комиссара.

Ответь она «хорошо», это была бы просто расхожая фра-

за. И это не удовлетворило бы Креспи. Уж лучше избрать средний путь и сказать полуправду. Дескать, она еще не пришла в себя, но сдвиги есть.

От Витали не ускользнул этот быстрый обмен репликами. Он собрал информацию о Сандре Вега. В свое время она считалась отличным фотографом-криминалистом. Но два события наложили отпечаток, возможно неизгладимый, на жизнь молодой женщины. Несколько лет назад при таинственных обстоятельствах погиб ее муж, фотокорреспондент. Вега приехала из Милана в Рим, чтобы расследовать обстоятельства его смерти. После осталась в столице, попыталась наладить отношения с другим человеком, но все обернулось скверно, и друг ее был жестоко убит. Тут разве психоанализ поможет или даже психотропные средства.

– Причина, по которой я вас вызвал сюда, вам уже известна, – наконец приступил к делу начальник полиции. – Но необходимо повторить факты для агента Веги. – Он указал на Витали. – Возможно, вы еще не знакомы с инспектором Витали. Он возглавляет отдел криминальной статистики.

– Я понятия не имела, что существует такое подразделение, – призналась Сандра.

В самом деле, она права, подумал Витали, улыбаясь про себя. Отдел был создан час назад, и инспектора сразу назначили его начальником.

– Люди инспектора Витали занимаются предотвращением преступлений.

– Вам стоит посетить один из наших семинаров, агент Вега, – заявил инспектор. – Вы найдете их весьма поучительными. – Витали безумно веселился всякий раз, когда в сходных обстоятельствах начальник полиции старался найти оправдание очередной должности, служившей прикрытием.

– Инспектор, будьте любезны – изложите факты для агента Веги.

Витали поднялся с места, подошел к Сандре и встал прямо перед ней.

– Вчера вечером, где-то в двадцать два тридцать, один таксист прибирался в салоне машины после дневной и вечерней смены. Он пояснил, что делает это всегда, потому что, цитирую: «никогда не знаешь, чем занимаются клиенты на задних сиденьях, когда их не видно». – Он было улыбнулся, но лукавое выражение тотчас же исчезло с его лица.

Сандра пыталась понять, куда он клонит, но решила пока не делать выводов, а просто слушать.

– Так вот... – продолжал Витали. – Именно вчера, обнаружив сотовый телефон, завалившийся между сиденьями, он тут же подумал, что клиент его обронил. И первым делом включил мобильник, чтобы проверить, нельзя ли выйти на владельца через последние звонки.

Витали сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил старую «Нокию», модель, несомненно далеко отстоящую от современных смартфонов. Аппарат был помещен в прозрачный пакет для вещественных доказательств. Витали

положил его на стол, за которым сидел начальник полиции, и сделал Сандре знак придвинуться ближе, чтобы она могла как следует рассмотреть вещицу.

– В аппарате отсутствует сим-карта. В памяти нет ни одного номера. Не зарегистрировано ни входящих, ни исходящих звонков.

– И что с того? – спросила Вега, теряя терпение.

Но Витали не торопился.

– Это одна из первых моделей со встроенной видеокамерой. Нажав на кнопку «Изображения», таксист наткнулся на видеозапись... неслыханной жестокости.

Пауза, которую сделал Витали перед концом фразы, повергла Сандру в тоску. Но она постаралась не выдать своих чувств. Хотела показать себя сильной: была невыносимой сама мысль о том, чтобы обнаружить перед всеми, насколько она сдала в последнее время.

– Чего вы хотите от меня? – спросила она, закусив губу, но недрогнувшим голосом.

Комиссар Креспи снова нагнулся к ней, положил руку на плечо:

– Когда сегодня утром префект Де Джорджи спросил, кто у нас лучший фотограф, я сразу подумал о тебе.

Дело обстояло не совсем так, мысленно поправил его Витали. Но все к лучшему: пусть старый комиссар ей немного польстит, если это поможет достигнуть цели.

Им была нужна *именно* Сандра Вега.

– Я больше не работаю в подразделении, – напомнила Сандра, словно желая подчеркнуть, что эта страница ее жизни перевернута. И Креспи лучше, чем кто-либо другой, должен это знать. – Кто-то умер, да? – добавила она, бросив недоверчивый взгляд на сотовый телефон, лежащий на столе, будто эта вещица из черного пластика, вроде бы неодушевленная, может наброситься на нее. – Поэтому и вы здесь. Иначе зачем было бы привлекать убойный отдел...

Креспи молча кивнул.

– Вы много лет работали фотографом в отделе экспертов-криминалистов. – Витали перевел взгляд на Сандру. – Выходили с «рефлексом» на охоту за деталями многих сцен преступлений. Вы в состоянии лучше любого из нас прочесть и истолковать произведение монстра. Индивидуума, которому доставляет удовольствие увековечить на видео свои действия и страдания жертв.

Он так и сказал – «произведение»? Сандра содрогнулась. Нет, она не хочет иметь с этим ничего общего.

– Послушайте, агент Вега, – вмешался старший комиссар Альберти. – Мы знаем, насколько болезненно для вас возвращаться к подобным занятиям; знаем, что это потревожит старые раны. Но мы просим вас сделать усилие ради общего блага. Нам грозит серьезная опасность, нельзя недооценивать ее.

Приказать ей они не могут, зато вызывают к ее чувству долга. Но Сандре было все равно. Пусть думают, что она укры-

лась в паспортном столе с единственной целью – сохранить жалованье и право на пенсию. На ее взгляд, речь шла не о погоне за привилегиями. Иные коллеги заканчивали карьеру, не понеся ни единой утраты. Она же заплатила высочайшую цену за право носить мундир.

– Мне очень жаль, – сказала она, поднимаясь с места. – Вы не вправе требовать этого от меня. Я не могу.

И Сандра направилась к двери, намереваясь оставить всю историю позади.

Витали окликнул ее:

– Агент Вега! Я уважаю ваше решение, но позвольте сказать кое-что напоследок. – Он был крайне серьезен. – Этот телефон не забыли в такси. Кто-то оставил его специально. Знал, что его найдут, что он в конечном счете окажется здесь, в этой комнате. Ибо то, что в нем содержится, нравится нам это или нет, – послание. Притом послание простое... Там, снаружи, есть человеческое существо, способное творить невыразимые вещи с себе подобными. Этот тип хочет, чтобы мы знали: он силен, он могуществен. И он не остановится ни перед чем... Было бы ошибкой думать, что речь идет лишь о предупреждении либо об угрозе. Это объявление о намерениях. Он хочет сказать, что это только начало.

Сандра обернулась, взглянула на него.

– Начало чего? – проговорила она в испуге.

– Мы не знаем. Но, откровенно говоря, я не ожидаю в ближайшие часы ничего хорошего.

– Вы располагаете техническими средствами, ресурсами и компетенцией, чтобы поймать его.

– Верно, однако нам не хватает одного – времени. – Витали подумал о разгуле стихий, о блэкауте, обо всех монстрах города, которые ждали только прихода ночи, чтобы сорваться с цепи. Надо уговорить ее любой ценой. – Учитывая все, что происходит, у нас нет времени устроить на него охоту по всем правилам. И он это знает.

Сандра заколебалась.

Витали понял, что чуть-чуть пробудил в ней прежнее чувство долга.

– Я прошу, чтобы вы только посмотрели видео. Если окажется, что представить анализ свыше ваших сил, мы вас поймем и вы сможете обо всем забыть.

Забыть? Разве сукин сын не знает, что подобные образы рано или поздно всплывают в худших ночных кошмарах? Конечно знает, но ему плевать. Как, собственно, и всем присутствующим. Они просто хотят воспользоваться ею, употребить ее. Сандра обвела взглядом напряженные, выжидающие лица, поняла, что права, и преисполнилась презрения. Лишняя причина убраться отсюда, пока не поздно.

– К сожалению, сотовый телефон не может привести нас к человеку, которого мы разыскиваем, – продолжал Витали, меж тем как Сандра уже намеревалась направиться к выходу. – На нем обнаружены только отпечатки пальцев таксиста и крошечная капля крови. Мы не нашли никаких соот-

ветствий в базе данных ДНК. Значит, речь не идет об обычном преступнике. Мы имеем дело с совершенно новым фигурантом, не похожим на известных нам. Гораздо более извращенным и опасным. Мы знаем о нем только то, что он страдает тем же расстройством, каким страдают тысячи: эксперты определили, что кровь на телефоне – результат носового кровотечения.

Сандра застыла на месте. Ноги у нее задрожали. Только бы никто в комнате не заметил этого. Какая нелепая мысль! Возможно ли, что Витали говорит именно об этом человеке? И все-таки внутренний голос твердил, что теперь нельзя оставить все как есть.

Маркус – *ее Маркус*.

От Витали не укрылось едва заметное изменение в выражении лица Сандры, и, прежде чем агент успела заговорить, инспектор уже ясно понял, что она передумала.

– Хорошо, – сказала Сандра, стараясь не выдавать волнения. – Я займусь этим делом, но только этим. – (Все с облегчением вздохнули. Им и в голову не пришло, что у нее внезапно возник личный интерес.) – Мне нужно должным образом отсмотреть материал.

– Мы предоставим в ваше распоряжение все необходимые ресурсы, – заверил ее начальник полиции.

Пока начальник говорил, Сандра вглядывалась в сотовый телефон, лежащий на столе. Вид предмета, от которого она раньше стремилась уйти, больше не внушал ей страха. Она

должна узнать.

Витали остался доволен: он достиг своей цели. Я не тот, за кого себя выдаю, подумал он. Но и у тебя, агент Вега, есть тайна, которую ты скрываешь. И мне предстоит выяснить, в чем тут дело.

Апостольский дворец в Ватикане полностью обезлюдел.

Кардинал Эрриага отдал на этот счет недвусмысленные распоряжения. Никто ни под каким предлогом не должен проникнуть туда вплоть до дальнейших указаний. Задачу облегчил тот факт, что по соображениям безопасности, связанным с разгулом стихии и блэкаутом, понтифик выехал из Рима накануне вечером и теперь находился в своей летней резиденции в Кастель-Гандольфо.

У Маркуса был час, чтобы выполнить миссию. На этот раз никакого расследования, ясно дал понять Эрриага.

– Чего вы хотите от меня, что я должен сделать?

– Уборку.

После неоспоримого вторжения пенитенциария на место происшествия придут жандармы, и только тогда начнется официальное расследование по поводу кончины епископа Артуро Горды, которое завершится констатацией смерти по естественным причинам. К счастью для Эрриаги, трагический конец настиг Горду внутри стен маленького суверенного государства. Случись это на итальянской территории, кардиналу не удалось бы предотвратить скандал.

В официальном сообщении из Ватикана, в котором по окончании блэкаута будет объявлено миру о кончине высокого прелата, правда предстанет скорректированной, подсла-

щенной. Причину смерти, скорее всего, определяют обобщенным термином «сердечный приступ».

Складная сказочка, думал Маркус, под проливным дождем пересекая двор Святого Дамасо. По мраморной лестнице он поднялся на третий этаж. Его одинокие шаги гулко звучали в Лоджиях Рафаэля, настоящем празднике для глаз: лепнина, яркий орнамент, легкая конструкция с чередованием окон и пилястров. Пенитенциарий шел по галерее с поднятой головой, любуясь фресками на тринадцати сводах. Он узнавал сюжеты из Книги Бытия: сотворение света, отделение суши от вод. Сотворение Евы, изгнание из рая. Истории Исаака и Иакова, Моисея, Соломона, наконец, житие Христа. Маркус подумал о счастливых, которые на протяжении веков были допущены лицезреть это великолепие, ходили этим самым путем. Мало их было, сказал он себе. Могущественные люди, оставившие неизгладимый след в истории. Некоторые из них были негодяями, недостойными людьми. Другие – истинными святыми.

А теперь здесь идет он. Чтобы произвести «уборку».

Маркус остановился перед дверью, ведущей в апартаменты, которые занимал епископ Горда. Ее заперли сразу после того, как был обнаружен труп. Эрриага вручил Маркусу единственный ключ. Пенитенциарий вставил его в замочную скважину, отпер дверь и вошел, тотчас же закрыв ее за собой.

Первая комната оказалась проходной. Маркус вынул из

кармана пару латексных перчаток и надел их, чтобы не оставлять отпечатков. По той же причине снял белые парусиновые туфли, измазанные в грязи. И пошел исследовать прочие помещения.

Высокий прелат вел простой образ жизни. Обстановка скромная, только самое необходимое. Никакой роскоши, никаких уступок мирским соблазнам. Разве что книги – единственное исключение. Полки ломились от фолиантов, некоторые лежали стопками по углам. Возможно, чтение и являлось основным времяпрепровождением Горды, который из-за агорафобии уже давно не покидал жилища.

Расставленные всюду книги как будто указывали дорогу. Маркус пошел по ней и оказался в комнате с узкой кроватью, над изголовьем которой висело деревянное распятие. Скрытая в стене дверца вела в ванную, темную, без окон. Рядом располагался кабинет епископа.

Маркус переступил порог, и перед ним предстало трагическое зрелище: мертвое тело старика, скорчившегося на полу, на том самом месте, где его настигла смерть.

На поляроидных снимках, которые показывал Эрриага, нельзя было увидеть, что тело лежит прямо напротив маленького, вделанного в стену алтаря: выполняя обязательный для каждого священника ритуал, Горда ежедневно служил здесь свою одинокую мессу.

Нагота и непристойная поза, таким образом, являли собой святотатство. Но оскорбление Бога дорого обошлось

прелату.

Очки дополненной реальности, словно гротескная маска, закрывали глаза; шлем охватывал голову до самого затылка. Навороченный гаджет выбивался из общей обстановки. Горда в своем затворничестве не имел ни компьютера, ни телевизора. Единственное исключение епископ сделал, потакая своей тайной извращенной склонности.

Порнографические картинки, снова подумал Маркус.

Из-под прибора, похожего на посеребренный шишак, выбивались пучки седых волос. Черный проводок соединял аппарат с кожаным ошейником. Пенитенциарий, подойдя ближе, увидел, что на горле, у кромки ошейника, тонкая старческая кожа была расцарапана. Он пытался освободиться от удавки, сказал себе Маркус. Засохшая кровь под ногтями подтверждала это.

Механическое удушение, пришел к выводу пенитенциарий.

На какой-то момент у него перехватило дыхание. Отголоски паники, охватившей его в Туллиануме, где он чуть не умер от удушья. Горда испытал то же самое, но по собственной воле. «Ее называют „удавка наслаждения“ и используют в эротических играх, при самоудовлетворении», – говорил Эрриага. «Похоже, некоторые испытывают наслаждение, когда их душат». Маркус задался вопросом, когда для Артуро Горды наслаждение обернулось страданием и когда он осознал, что вот-вот умрет. Успел ли епископ по крайней мере

прочитать молитву? Или, как высказался кардинал, «умер как собака», попав в ловушку, в капкан?

Удавка наслаждения.

В таком положении Горду нашла монахиня, в обязанности которой входило к восьми утра приносить ему чашку ячменного кофе. Сестра в ужасе выбежала вон и тут же предупредила жандармов. В награду за то, что она видела, бедняжку переведут в монастырь, затерянный в самых глубинах Африки, где она и останется до конца своих дней. Жандармам как следует заплатят – и прибегнут к запугиванию, – чтобы они держали рот на замке. Маркусу хорошо были известны методы, какие Эрриага применял, чтобы избежать утечки информации.

Ни в комнате, ни на самом трупе не было видно следов вмешательства посторонних лиц. Это подкрепляло первоначальное предположение о смерти в результате несчастного случая. Тем более что неподалеку от тела лежала черная шкатулка, выстланная бархатом, где епископ держал приспособление, убившее его.

Изящная, дорогая вещица, прикинул Маркус. Защитник бедняков с толком предавался пороку.

Но Маркус пришел сюда не для того, чтобы судить. Его долг – замести следы недостойной кончины, которая может поставить Ватикан в неловкое положение. Хотя ему вовсе не нравилось то, что он собирался сделать, Маркус рассудил, что так будет лучше. Церковь сильна, люди, которые служат

ей, зачастую слабы. Он сам – не исключение.

Маркус отогнал от себя эти мысли. Пора приниматься за дело. Чем раньше он закончит, тем раньше вернется к прерванному расследованию. Нужно выяснить, что случилось с ним ночью. Почему он очнулся голый, скованный наручниками в глубине Туллианума. И главное, *кто* ненавидит его до такой степени, что решил убить столь жестоким способом, обрекая на мучительную голодную смерть.

Найди Тоби Фрая.

Он начал с того, что расстегнул ошейник. Кожа с внутренней стороны была дублирована искусственной замшей, чтобы не оставалось синяков или других отметин. Механизм закрепления удавки оказался очень простым, и все-таки Горде не удалось освободиться. Или он не успел. Возможно, удушье вызвало инфаркт, через несколько секунд приведший к роковому исходу. Маркус знал, что смерть никогда не наступает по единственной, основной причине, чаще всего ее вызывает сочетание причин дополнительных. Очевидно одно: что-то пошло не так. Маркус исключил неисправность прибора – такие аппараты всегда имеют предохранительное устройство. Причина куда банальнее: епископ слишком рисковал, учитывая его возраст.

Маркус расположил труп на полу, перевернул его на спину. Осмотрев еще раз нагое тело, заметил на внутренней стороне правого бедра татуировку.

Маленький голубой кружок.

Рисунок уже почти выцвел, остались размытые очертания, память о том, что случилось много лет назад. Может быть, утративший смысл знак мятежных настроений юности, подумал пенитенциарий. Вероятно, Горда и сам об этом пожалел. Возможно, из всех посторонних один Маркус и увидел татуировку, ведь епископ, наверное, ее стыдился. Смерть никогда не щадит стыдливости. Случай Горды – тому яркий пример.

Маркусу оставалось еще снять с него очки. Это он прибег напоследок – мешал суеверный страх перед полным ужаса взглядом епископа, таящимся под маской. Вначале он раскрыл автоматические запоры, один за другим. Затем медленно снял шлем, покрывавший голову. Глазные яблоки почти вылезли из орбит, типичная картина в случаях удушения. Маркус сделал над собой усилие и двумя пальцами вправил их обратно. Потом опустил епископу веки. Уже собирался помолиться за грешную душу, когда его внимание снова привлекли очки дополненной реальности, валявшиеся на полу.

Даже на расстоянии было видно, что экран до сих пор мерцает.

Маркус поднял прибор, поднес к глазам. Никаких порнографических картинок. Простая надпись.

«Нет сигнала».

Очки дополненной реальности были подключены к Интернету. Епископ пользовался ими до блэкаута, естественно, что сейчас связь прервалась. Может быть, так и лучше. За-

чем углубляться в грязные подробности жизни Горды. Пусть они сгинут вместе с ним, подумал Маркус.

Он сосредоточился на том, что еще оставалось сделать. Положил прибор в черную шкатулку, подбитую бархатом. Уходя, Маркус заберет аппарат с собой, и тот навсегда исчезнет.

Затем Маркус взялся обыскивать апартаменты в поисках других компрометирующих деталей. Порылся в ящиках стола, вывернул шкафчики в ванной. Даже пролистал кое-какие книги. Проводить тщательный обыск было некогда. Эрриаге придется удовлетвориться этим. Для завершения мизансцены требовалось только одно: одеть покойника.

Чтобы найти подходящую одежду, Маркус направился к шкафу. Открыл его и, роясь в вещах, заметил старую, пожелтевшую газету, которую Горда зачем-то хранил. Взял ее, чтобы рассмотреть поближе.

То был экземпляр «Мессаджеро», выпущенный 23 мая девять лет назад.

Может быть, и его следует уничтожить. Чтобы убедиться в этом, Маркус развернул листок. Но зацепиться было не за что. Ничего подозрительного или компрометирующего. Пока он не наткнулся на обзор происшествий в Риме. Его внимание привлек заголовок. Он гласил: «В Риме потерялся маленький Тоби Фрай».

На Маркуса будто снизошло озарение. В памяти всплыла записка, которую он обнаружил у себя в кармане, выйдя из

Туллианума: «Найди Тоби Фрая».

Это не могло быть простым совпадением.

На странице выделялась черно-белая фотография трехлетнего малыша. Большие, ясные глаза, открытая улыбка, веснушки. На нем была светлая маечка и бейсболка с гербом Рима.

Маркус прочел заметку.

«Тоби Фрай пропал вчера, около шести вечера, в самом центре, в двух шагах от Колизея. Малыша повела на прогулку мать, которая уверяет, будто потеряла его из виду всего на несколько секунд. Женщина в самом деле сразу же сообщила о случившемся полицейскому патрулю, дежурившему неподалеку. Полицейские, которые вначале считали, что мальчик попросту отошел и заблудился, теперь рассматривают и другие гипотезы следствия. Предполагается просмотреть все пленки с видеокамер, расположенных в зоне поиска. Одновременно, с целью пролить свет на судьбу маленького Тоби, городские власти обращаются с призывом к туристам и местным жителям, которые находились в означенной зоне в момент исчезновения мальчика. Если вы фотографировали или снимали на видео Колизей, убедительная просьба прислать материалы на электронный адрес управления полиции города Рима».

Маркус, не веря своим глазам, вглядывался в газетную страницу. Наконец, оторвавшись от нее, пенитенциарий за-

метил кое-что еще в глубине шкафа. Он насторожился. Аномалия.

Пара белых парусиновых туфель. Точно таких, как у него.

5 часов 38 минут до заката

Видеофильм, найденный в сотовом телефоне, который был оставлен в такси, длился двести секунд.

– Но для одного из действующих лиц эти секунды показались вечностью, – заметил Витали, гася свет в просмотровом зале «муравейника».

Креспи сел поодаль: похоже, комиссар передал коллеге право давать объяснения. Эта странность не укрылась от Сандры. По сути, инспектор Витали – бюрократ, бумагома-ратель. Отдел криминальной статистики, скажите пожалуйста! С какой стати комиссар убойного отдела пляшет под дудку этого франта? Но отступать было поздно. Сандру уже усадили перед большим плазменным экраном. Он был выключен, но от черной поверхности, напоминавшей шифер, исходило какое-то темное свечение.

– Это система *Pro Tools* последнего поколения, – пояснил Витали. – Фотографы-криминалисты стали пользоваться ею несколько месяцев назад. Все очень просто: достаточно коснуться экрана, чтобы остановить изображение, прокрутить файл вперед или назад, увеличить или уменьшить фотограмму.

Как будто ты сама находишься там, подумала Sandra. Обычно она приходила *после*, когда зло уже совершилось.

И всегда могла укрыться за «рефлексом»: пусть грязную работу выполняет неодушевленный прибор. На этот раз она должна будет принять участие, хотя бы и косвенное, в том, что произошло.

– Вы готовы? – спросил инспектор, боясь, что она передумает.

Сандра помедлила несколько секунд, обернулась к Креспи, который оставался невозмутимым.

– Да.

Витали взял пульт дистанционного управления и запустил запись.

Сначала изображение было расплывчатым, вне фокуса. Несколько секунд объектив видеокамеры мобильного телефона скользил по замусоренному полу, потом резко, рывком, поднялся: его направили на что-то напоминающее старую больничную койку. Вокруг – сырой выщербленный кафель.

На затертом матрасе лежал мужчина.

Сандра почувствовала облегчение, убедившись, что это не Маркус. Но чувство освобождения не продлилось долго. Незнакомец плакал, извивался, принимая самые неестественные позы. Веревка опутывала его, виток за витком, от щиколоток до бедер. Руки выкручены, запястья примотаны к спинке кровати. Ниже пояса он был одет, только торс голый.

Готов для жертвоприношения.

– Прошу тебя... нет! – умолял он.

Волосы черные как вороново крыло, очень коротко остриженные. Исхудавший настолько, что под гладкой кожей видны все ребра. Лицо изможденное, багровое от усилий: бедняга пытался приподнять тощую шею и плечи в тщетной попытке освободиться. Это он от отчаяния, подумала Сандра. Шансов никаких нет. Он и сам это знал. Но все же и в такой крайности инстинкт самосохранения заставлял его сопротивляться, биться изо всех сил, какие еще оставались в теле.

– Прошу, отпусти меня...

Вены на висках вздулись и пульсировали так сильно, что казалось, вот-вот лопнут, залив все лицо красным. Желтоватая полоска слизи вытекала из носа и расплзалась по верхней губе, смешиваясь со слезами и слюной и застывая коркой.

– Что вы видите, агент Вега? – спросил Витали.

– У него желтое лицо, на коже трещины. Синяки от некроза вен. Зубы черные, нескольких не хватает, по этим признакам ему можно дать лет пятьдесят. Но на самом деле он не так стар. – (Преждевременное старение от злоупотребления наркотическими веществами, так это называется. Тяжелая жизнь всегда оставляет следы, какие ни с чем не спутаешь.) – Принимал наркотики. Целая коллекция мелких прецедентов. Как в тюрьме, так и на воле. – (Большинство назвало бы такого человека отбросом общества. Сколько таких типов довелось Сандре фотографировать, когда она работа-

ла в отделе экспертов-криминалистов? Обычно их трупы находили в придорожных рвах, среди мусора, без денег, без документов, с помощью которых можно было бы провести опознание. В морге полно безымянных тел.) – Иногда таких клиентов убивает толкач, когда они становятся слишком назойливыми. Но чаще всего – такой же отчаявшийся бедолага, с единственной целью – забрать себе дозу и несколько монет.

Витали не стал ни соглашаться, ни возражать, просто промолчал. Потому что события в видеофильме разворачивались.

Оператор, который до сих пор стоял неподвижно, протянул руку. В кадре показалась кисть в латексной перчатке. В пальцах было что-то зажато.

Черная облатка.

Он подошел к пленнику, просунул облатку между губ и закрыл ему рот ладонью, принуждая глотать. Через короткое время Сандра увидела, что взгляд жертвы изменился. Только что он в отчаянии молил тюремщика о милосердии, а теперь застыл, устремленный в пустоту. Лицо обмякло. Палач отнял руку ото рта и снова отошел, не переставая снимать.

Пленник зашевелил губами. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Он вроде бы что-то шептал. Неистовая последовательность слогов, срывавшихся с губ и исчезающих. Пустой набор звуков. Потом голос стал громче, но слова оставались непонятными.

– На каком языке он говорит? Я не понимаю, – озадаченно

произнесла Сандра. – Похоже на иврит. – Но она не была уверена.

– Хасмоне́йский араме́йский, – уточнил Витали совершенно серьезно. – На нем говорили в Палестине во времена Христа.

Уверенность инспектора привела Сандру в недоумение. Откуда наркоману знать язык, на котором говорили две тысячи лет назад?

– Он произносит: «Владыка теней шествует со мной. В нем – истина. В нем – новая жизнь», – перевел Витали.

Сандра пристально взглянула на него: инспектор говорил совершенно серьезно.

Тем временем пленник все твердил и твердил одни и те же фразы, будто читал молитву. Что за всем этим кроется?

Витали знал, что происходит в уме Сандры Веги. Агент полиции задавалась вопросом, почему начальника отдела криминальной статистики заинтересовал такой фильм и каким образом он с точностью определил, что говорит пленник. Но ее реакция была Витали безразлична. Наступил момент немного приоткрыть карты. Поэтому ему было на руку, что у Сандры Веги зародились сомнения по поводу его самого и его роли в этом деле.

Тем временем на экране оператор установил сотовый телефон с видеокамерой на спинке кровати. Изображение перекосилось, но можно было различить неясный силуэт человека, который склоняется над пленником и одной рукой

стискивает ему челюсть. Потом, в дополнение к святотатственному причастию, начинает выливать содержимое золотой чаши в разинутый рот. Хлеб и вино – плоть и кровь. Пленник, погруженный в транс, пил не сопротивляясь. Было слышно, как жидкость, булькая, проникает в горло, как грязная вода в сток умывальника. Закончив процедуру, тень отступила назад, не показывая лица; человек взял телефон и продолжил съемку.

Мужчина, распростертый на койке, больше не говорил. Лежал, вытаращив глаза, со взглядом, по-прежнему устремленным в пустоту. Интересно, подумала Сандра, что сейчас произойдет? Чем напоили пленника? Явно не вином. Внезапно тело жертвы сотрясла мощная конвульсия. Казалось, путы, стягивавшие его, не выдержат такого сверхчеловеческого напора. Над торсом лежащего скопилось какое-то облако. Агент полиции инстинктивно придвинулась к экрану, чтобы лучше разглядеть.

Пар.

Что-то разъедало организм изнутри. Миазмы просачивались сквозь поры. Сжигаемая внутренним жаром, плоть приобретала коричневатый оттенок. Лицо жертвы, чье тело сотрясали мощные мышечные спазмы, оставалось невозмутимым. Но спектакль на этом не закончился. Кожа покрылась язвами, вздулась гнойными волдырями. Показались пищевод и трахея. Затем – легкие. Обугленные лоскуты бронхов. Язвы ширились, углублялись, пожирая живую плоть. Но из

ран не струилась кровь, а поднимался дым, похожий на испарения серы.

Сандра поставила себя на место простого римского таксиста, который нашел телефон с подобной видеозаписью. Можно вообразить, как бедняга отреагировал, когда, пытаясь выйти на законного владельца через содержимое сотового, наткнулся на такой ужас. Этого ему не забыть до конца своих дней.

Конвульсии пленника внезапно прекратились. Объектив задержался еще немного на лишенном внутренностей трупe. В наступившей тишине слышалось только легкое, наводящее ужас шипение.

Потом съемка оборвалась.

Это сотворил не наркоман, перебравший кокаина и ЛСД, подумала Сандра. Здесь есть метод.

– Ну, что скажете? – спросил Витали.

Агент полиции обернулась, пристально посмотрела на него. В ее взгляде читалась враждебность.

– Что вы хотите знать?

– Кроме личности убийцы, есть еще масса нерешенных вопросов, агент Вега. Начиная с личности жертвы до места, где произошло убийство. Мы ничего обо всем этом не знаем.

Ритуальное убийство, хотела было заявить Сандра. Но вместо этого произнесла:

– Одна минута двадцать семь секунд. – Потом без лишних слов протянула руку и прокрутила назад изображение на

экране. Двигала пальцем все медленнее и медленнее, пока не нашла нужный кадр. – Вот, взгляните...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.